

Г.В. Карпов

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ЭПОХУ WORDS PRIVILEGE^{*}, ^{}**

Карпов Глеб Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры логики. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: g.karpov@spbu.ru

В статье рассматривается проблема существования так называемых мультимодальных аргументов – убеждающих структур, где наряду с записанными или произнесенными словами присутствуют невербальные элементы, также выполняющие функции убеждающего воздействия. Предлагается взгляд на такие аргументы, в одинаковой мере исключаящий и их полный перевод в слова, и принципиальную невозможность их изучения теорией аргументации. Наряду с проблемой перевода невербальной составляющей мультимодальных аргументов обсуждается вопрос их функционального статуса в структуре аргументации. Предлагается считать такие элементы посылками, связь которых с заключением объясняется через описание того способа, каким их пропозициональное содержание воплощается в конкретной ситуации: как действие, изображение или аудио-сообщение (запись). Отстаивается положение, согласно которому способ презентации пропозиционального содержания аргумента в аспекте убеждения значим не менее, чем само содержание. На этом основании «классические» текстовые аргументы допускается рассматривать как разновидности мультимодальных аргументов.

Ключевые слова: структура аргументации, визуальная аргументация, оценка аргумента, прагма-диалектика, диалоговый подход

Для цитирования: Карпов Г.В. Мультимодальная аргументация в эпоху Words privilege // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 4. С. 180–196.

^{*} Исследование поддержано РФФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

^{**} Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за ряд ценных замечаний, позволивших улучшить текст, освободив его от неясных мест.

1. Введение

Существует огромное количество определений аргумента, по одному или даже несколько на каждый подход, на каждую теорию аргументации. Однако все они сходны в одном, так как все они так или иначе подразумевают то, что аргумент выражается преимущественно, а иногда и исключительно с помощью слов, записанных или произнесенных. В действительности привилегированное положение слов в аргументации постоянно оспаривается практикой, т.к. разнообразные убеждающие стратегии далеко не всегда реализуются исключительно их средствами. Использование изображений (фотографий и рисунков), аудио- и видеоматериалов, апелляции к непосредственной данности прочих чувств (обоняние, осязание и вкус) распространены и охватывают самые разные области – от математических исследований до судебных процессов. Тем не менее до сих пор в среде специалистов в области аргументации не существует общепринятой точки зрения на то, каким образом следует относиться к подобным убеждающим приемам: считать их аргументами или нет, анализировать и оценивать их так же, как и «обыкновенные» аргументы или как-то иначе. В этой статье я не ставлю цель рассмотреть весь спектр суждений, сформированных сообществом исследователей в связи с этим вопросом, отчасти потому, что он чрезвычайно широк, отчасти потому, что, по крайней мере в англоязычной литературе, это уже делалось, и не раз¹. Принимая во внимание достаточно очевидную потребность если не в полноценной теории, то, по крайней мере, в ряде приемов, позволяющих дать начала нормативному обращению с доводами, где наряду со словами используются невербальные составляющие, выполняющие, как и слова, функции убеждения (такие доводы я буду называть мультимодальными аргументами), я постараюсь через обращение к трем случаям применения подобных составных конструкций показать проблематический, но далеко не безнадежный характер их интерпретации и нормативного использования. Более того, я надеюсь, что результаты исследования работы трех мультимодальных аргументов дадут основания считать, что «мультимодальность» как таковая является не столько экзотическим дополнением, риторическим украшением или вариацией основной темы, заданной словами, сколько вообще способом существования большинства аргументов, и что, напротив, на множество текстов убеждающего назначения, произнесенных или записанных, следует смотреть как на разновидность убеждающих конструкций, скорее исключительную и в значительной мере искусственную. Мы увидим, что аргумент-текст, аргумент в своем чистом, пропозициональном виде можно рассматривать скорее как в своем роде заготовку для реального довода, как бы ожидающую агента и того способа, который он изберет для того, чтобы заставить это пропозициональное содержание действовать. Эта статья, таким образом, рассказывает о первом шаге на пути переосмысления мультимодальной аргументации как новой нормы убеждающих процессов и о тех сложностях, которые встретятся уже в самом его начале.

¹ См.: *Kjeldsen J.E. The Study of Visual and Multimodal Argumentation // Argumentation. 2015. No. 29. P. 115–132; Bobrova A. Pictures and Reasoning: visual Arguments and Objections // Reason to Dissent. Proceedings of the 3rd European Conference on Argumentation. Vol. II L., 2020. P. 65–77.*

2. Почему марсиане не могут быть философами

В фильме британского режиссера Дерекка Джармена «Витгенштейн» молодой Витгенштейн встречается марсианина м-ра Грина, с которым у него завязывается беседа. После того как собеседники обмениваются приветствиями и Витгенштейн представляется философом, м-р Грин, по-видимому, желая расширить свои представления о Земле и о ее обитателях, спрашивает:

– Скажите, сколько у философов на ногах пальцев?

– Десять, – отвечает Людвиг Витгенштейн.

– Как интересно! Столько же, сколько и у людей! – Марсианин показывает неподдельное удивление.

– М-р Грин, философы – люди, и они знают, сколько пальцев у них на ногах.

– Вот тебе и раз! – печалится м-р Грин, – это что же значит, что марсиане не могут быть философами?..

– Боже мой! – Витгенштейн прикрывает лицо ладонью...

Предположим, что мы никогда не видели фильм Джармена и поэтому располагаем исключительно тем материалом, что дан выше: общими сведениями о собеседниках и шестью репликами, которые составили весь их диалог. Едва ли этого достаточно для того, чтобы понять причины жеста, сопровождающего заключительное восклицание и выдающего разочарование Витгенштейна, – то ли в диалоге вообще, то ли в способностях марсианина вести беседу; однако, предположительно, этого должно быть достаточно для реконструкции ходов, связывающих прочие реплики в разговоре человека и марсианина.

Первые две образуют суждение «у философов на ногах по десять пальцев»; третья может быть соотнесена с суждением «у людей на ногах по десять пальцев». Четвертая наиболее явным образом содержит суждение «философы – люди», а пятая, если оставить в стороне наклонение глагола, – простое суждение «марсиане – не философы».

Теперь посмотрим на то, как эти суждения могут быть связаны. Первый вопрос м-ра Грина в соединении с удивлением, которое тот выражает тогда, когда слышит ответ, дает основание считать суждение «у философов на ногах по десять пальцев» главной мыслью, по отношению к которой суждения «у людей на ногах по десять пальцев» и «философы – люди» вместе выполняют служебную функцию, а иначе говоря, являются посылками. Действительно, похоже на то, что пришелец с Марса уже получил кое-какие представления о существах, населяющих Землю, но вот истина «философы – люди» ему еще не открыта, а она нужна для того, чтобы прийти к заключению о количестве пальцев на ногах у философов, так как для него этот факт не является ни общеизвестным, ни таким, какой можно было бы извлечь непосредственно из контекста, обобщив наблюдения (в этом случае энтимеме «у философов на ногах по десять пальцев, так как у людей на ногах такое же количество пальцев» мог бы восстановить любой житель Земли, но не житель Марса, множество общеизвестных истин у которого, вероятно, иное по составу, и для которого, следовательно, истина «философы – люди» есть открытие). Вместе эти три суждения дают силлогизм, выстроенный по модусу *Barbara*: у людей на ногах по десять пальцев, а философы – люди, поэтому у философов на ногах по десять пальцев.

Так, благодаря своей наблюдательности и сведениям, которые предоставляет ему Витгенштейн, м-р Грин узнает и о количестве пальцев на ногах у философов, и о том, почему это количество таково, каково оно есть, а мы узнаем о том, что по крайней мере некоторые из марсиан не знают, что философы люди, и что по крайней мере некоторые из них пользуются той же логикой и рассуждают точно так же, как и некоторые люди и как почти все философы.

Второй вопрос м-ра Грина, как я допускаю, следует понимать как суждение «марсиане – не философы». Как он пришел к этой мысли? Очевидно, на основе того знания, которое только что так счастливо при посредстве юного Людвиг поступило в его распоряжение. Однако, подобно тому как пришелец с Марса в одиночку не был в состоянии вывести «у философов на ногах по десять пальцев» единственно из суждения «у людей на ногах по десять пальцев» и справился с этим только с помощью одного из людей, вовремя подсказавшего ему нужную посылку, так и мы, жители Земли, не можем вывести «марсиане – не философы» лишь из суждения «у философов на ногах по десять пальцев», ведь если м-ру Грину не известно, что философы – это люди, то почему нам должно быть известно, что марсиане не есть те, у кого на ногах по десять пальцев? К сожалению, марсианин, как это следует из текста, не приходит здесь нам на помощь, и, как это следует из текста, в нашем распоряжении нет посылки, где бы утверждалось, что у марсиан количество пальцев на ногах не равно десяти. Поэтому, все, что мы можем сделать, восстанавливая ход заключительной части беседы, – это предположить, что м-р Грин все же исходит из указанной посылки, которую он пропускает, будучи марсианином, как известное любому марсианину положение. Полный силлогизм, восстановление которого не прошло так гладко, как в случае с силлогизмом в первой части беседы, где незнание марсианина исправил Витгенштейн, выглядит так: «У философов на ногах по десять пальцев, но марсиане не есть те, у кого на ногах по десять пальцев, вот почему марсиане – это не философы». В этом втором случае нам уже не так просто: мы исходим из неявного допущения и прибегаем к интуитивно понятной в несколько меньшей степени, чем Первая фигура, Второй фигуре, ее модусу *Camestres*.

Однако, если бы мы смотрели фильм Джармена перед тем, как восстанавливать силлогизмы, которыми заняты герои эпизода, а не имели бы дело исключительно с текстом их диалога, что и происходит *hic et nunc*, то нам бы удалось избежать затруднения со вторым силлогизмом, вызванным отсутствием меньшей посылки и ее далеко не общеизвестным для землян характером. Так, на 7 минуте и 10 секунде фильма можно видеть, как Витгенштейн, произнося свою реплику «...философы – люди, и они знают, сколько у них пальцев», наклоняется к лапам м-ра Грина, их Джармен дает крупным планом, и пересчитывает пальцы на одной из них. Выходит четыре, на двух (похоже, что марсиане двуноги) восемь, и, значит, что в сумме меньше десяти (см. рис. 1). Вот каков источник меньшей посылки второго силлогизма! Она не выражена словами, но безусловно включена в множество того, что принимается авторами рассуждения как истина.

Рис. 1. Витгенштейн пересчитывает пальцы на одной из ног марсианина¹

Ситуация с невыраженными словами посылкой, в которой оказались юный Витгенштейн и м-р Грин, – это, если не принимать в расчет ее субъектов, самая обычная ситуация, характерная для большинства подобных взаимодействий: если вы не кабинетный ученый-гуманитарий, Сильвестр Бонар или профессор Кин, разбирающий рассуждения исключительно по текстам, то, скорее всего, у вас не вызовет удивления необходимость в интерпретации жеста собеседника, или темпа его речи, или даже его действия, если на то будут причины, например, как своеобразного довода, который вы намерены восстановить и оценить, принять или отвергнуть. Это ежедневная и вроде бы само собой разумеющаяся практика; ей тем не менее до последнего времени специалисты в области аргументации уделяли мало внимания. Ситуация существенно изменилась лишь десятилетие назад, когда целый ряд исследователей начал активно выступать с публикациями по мультимодальным аргументам. Большинство заинтересовалось визуальными мультимодальными аргументами (статичными изображениями² или движущимися³); однако были и те, кто касался мультимодальных аргументов, построенных на восприятии звуковых эффектов, возникающих вследствие проигрывания аудиозаписи, и даже таких мультимодальных аргументов, которые основываются на вкусовых ощущениях⁴. К настоящему моменту научная литература, касающаяся мультимодальной аргументации, довольно обширна; к уже упоминавшимся обзорам на английском языке стоит добавить то небольшое, что написано по этому предмету на русском: это статья Х. Куссе, где исследуется с точки зрения аргументации плакат «периода информационной кампании перед референдумом в Крыму 16 марта 2014 года»⁵ и статья А.Р. Медведевой, касающаяся аргументации в области критики кино⁶.

¹ Рисунки в статье выполнены художницей В.В. Олейник.

² *Dove I.J.* On Images as Evidence and Arguments // *Topical Themes in Argumentation Theory*. Amsterdam, 2012. P. 223–238.

³ *Hoven P., van den.* The Narrator and the Interpreter in Visual and Verbal Argumentation // *Topical Themes in Argumentation Theory*. Amsterdam, 2012. P. 257–272.

⁴ *Groarke L.* Going Multimodal: What is a Mode of Arguing and Why Does it Matter? // *Argumentation*. 2015. No. 29. P. 133–155.

⁵ *Куссе Х.* Переплетение агрессии и аргументации: русско-украинский конфликт // *Неприкосновенный запас*. 2020. № 132 (4). С. 77–97.

⁶ *Медведева А.Р.* Мультимодальная аргументация в жанре «обзор плохого кино» // *Челябинский гуманитарий*. 2020. № 3 (52). С. 105–111.

Относительное пренебрежение, в котором до недавнего времени пребывала мультимодальная аргументация, можно объяснить тем, что или такого рода аргументы рассматривались как нечто весьма далекое от «настоящей» аргументации и лежащее скорее в области психологии или социальной семиотики, или потому что к ним, как ожидалось, могут быть легко применены методы современной теории аргументации (ее многочисленных подходов), использование которых для решения обычных в такого рода исследованиях вопросов, поставленных теперь в отношении изображений, снабженных текстами (или в отношении текстов, дополненных изображениями) и прочих разновидностей мультимодальных убеждающих конструкций, не воспринималось как проблема. Другими словами, возможность изучения мультимодальной аргументации считалась большинством специалистов или чем-то *радикально* новым – тем, что потенциально размывает границы предметной области настолько, что в океане междисциплинарных исследований будет потеряна и сама классическая дисциплина, и ее предмет, или, напротив, – тем, что не содержит в себе *ничего* принципиально нового, для чего потребовались бы свои методы, какие-то особые подходы и инструменты.

Оставив за рамками этого текста дискуссии о границах той или иной области знания, об их незыблемости или, напротив, историчности, отмечу, что второе замечание до времени и в самом деле выглядит справедливым, т.к. едва ли у кого-нибудь может вызывать затруднение, например, задача восстановить посылку о количестве пальцев на ногах у марсиан на основе созерцания стоп м-ра Грина, чтобы затем использовать ее в составе силлогизма. Характер подобных «переводческих» упражнений напоминает характер такого действия ума, как умозаключение, о котором в «Логике Пор-Рояля» говорится следующее: умозаключение, пишут А. Арно и П. Николь⁷, получается как бы само собой и не требует знания специальных правил (каковое нередко дает обратный результат и препятствует выведению следствий из данных посылок), ведь способность умозаключать, равно как и способность к другим подобным ему действиям, дарует нам сама природа. С этой точки зрения, необходимости в создании специальной дисциплины, занятой мультимодальной аргументацией, будто бы нет, потому как всякий раз, когда нужно проанализировать и оценить аргумент, выполненный с использованием невербальной составляющей, можно рассчитывать на некий перевод, который, во-первых, работает почти автоматически, и, во-вторых, что особенно важно, обеспечивает возможность задействовать весь арсенал известных аналитических процедур, применяемых к невербальной составляющей хотя и косвенным образом, но не с меньшим, чем всегда, успехом. Случай с м-ром Грином и Витгенштейном хорошо это показывает: применяющий аристотелевскую логику нисколько не смущается тем, что одна из посылок выражена визуальными средствами, лишь бы она была в конечном итоге адекватно переведена в речь.

Настаивающий на существовании и необходимости изучения мультимодальных аргументов оказывается в сложной ситуации, так как, с одной стороны, если всякий раз возможен перевод, позволяющий использовать привычные средства анализа и оценки аргументов (от аристотелевской логики до приемов прагма-диалектики, неориторики и диалогового подхода), то, в самом деле, едва ли нужно создавать какие-то специальные инструменты,

⁷ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С. 30–31.

которые, кроме того, рискуют никогда не выйти за пределы университетских аудиторий и страниц академических журналов... С другой стороны, если подобный перевод оказывается по какой-то причине невозможен и мы сталкиваемся с чем-то невыразимым, то здесь следует отступить не только тому, кто исследует аргументацию или применяет ее практически, но и вообще любому, кто стремится исполнить известный завет Витгенштейна, завершающий «Логико-философский трактат», и который подходит к таким случаям как нельзя лучше. Как отмечает М.Л. Гаспаров, эту известную сентенцию он сам понял лишь тогда, когда «в какой-то популярной английской книжке нашел мимоходное пояснение: “[О чем невозможно говорить, о том следует молчать], а не следует думать, что об этом можно, например, насвистеть”»⁸. Насвистеть или нарисовать или сфотографировать и затем показать снимок – этот «мультиmodalный» ряд можно продолжать...⁹

Другая проблема, наличие которой объясняет скептические настроения части исследователей в связи самой возможностью или необходимостью специального изучения мультиmodalной аргументации, заключается в неясном статусе невербальной составляющей, задействованной в убеждающих и познавательных процессах. Если изображение, жест или поступок признаются такой частью аргумента, которая функционально эквивалентна посылке или заключению, то на эти их роли нечто должно указывать, подобно тому как на роли обыкновенных элементов аргументов указывают функциональные слова или логико-прагматический статус соответствующих утверждений (скажем, утверждение о будущем, о ценности или о том, как поступать, скорее будет расцениваться именно как основная мысль в сравнении с утверждениями о фактах, т.е. именно как заключение аргумента, а не как его посылка). Однако, как правило, специальных указаний на то, чем именно является невербальный элемент мультиmodalного аргумента, посылкой или заключением, и тем более, указаний на то, как именно он связан с другими элементами, например с выраженными привычным образом посылками, в нашем распоряжении нет. Если же отношение между изображением, жестом или поступком, с одной стороны, и утверждением, с другой, составляющим, к примеру, одну из посылок аргумента, само по себе вовсе не является структурным элементом аргумента, то оно, следовательно, и не может быть предметом исследований в области аргументации, а интерес к нему должны в большей степени проявлять те, кто занят описанием процессуальных норм использования вещественных доказательств при отправлении правосудия или те, кто изучает некую архаическую культуру, где вместо слов особым образом используются предметы...

3. Защитник Рольф и фильмы обвинителя Лоусона

Мы видели, что в случае с диалогом Витгенштейна и м-ра Грина обращение с мультиmodalными аргументами характеризовали легкость, естественность и автоматизм. Вопрос о переводе решался положительно, а вопрос о функциональном значении действия Витгенштейна, пересчитывающего на ногах марсианина пальцы, даже и не ставился вовсе, так как

⁸ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 124.

⁹ См.: Groarke L. Going Multimodal. P. 133–155.

было очевидно, как именно следовало интерпретировать это действие (как поиск и обретение одной из посылок силлогизма). В совершенно иной ситуации оказывается господин Рольф, герой Максимилиана Шелла, защитник одного из обвиняемых в фильме американского режиссера Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс». Кульминацией, переломным моментом фильма, во многом определившим решение суда, назначившего большинству обвиняемых – бывшим нацистским прокурорам и судьям – пожизненные сроки заключения, становятся не показания свидетелей или выступления обвинителя и защитника, а демонстрация стороной обвинения документального фильма, хроники, рассказывающей об освобождении узников концентрационного лагеря Дахау, и о том, что открылось взорам освободителей в конце апреля 1945 г. Как показывает Крамер, кадры, на которых запечатлены последствия массовых преступлений против жизни (кадры, мало чем отличающиеся от некоторых хорошо известных отечественному зрителю кадров «Обыкновенного фашизма» Михаила Ромма), производят неизгладимое впечатление на всех, кто находится в зале суда, включая и большинство обвиняемых.

На следующий день после просмотра «фильмов полковника Лоусона» (обвинителя) защитник Рольф начинает свое выступление словами о том, что «было неверно, жестоко и крайне несправедливо со стороны представителя обвинения показывать эти фильмы здесь, на этом процессе, в этой ситуации, чтобы обвинить этих людей!».

Рис. 2а

Рис. 2б

Рис. 2а (слева) – защитник Рольф выражает протест против демонстрации документальных кадров освобождения Дахау; рис. 2б (справа) – обвинитель Лоусон наблюдает за тем, как тщетно старается Рольф отыскать хоть что-то равное по силе воздействия им показанному

Он продолжает: «Я решительно протестую против такой тактики! Что обвинение хочет нам *доказать?*.. Что все немцы несут ответственность за то, что происходило во времена Гитлера, так как им всем об этом было известно?.. Но он [обвинитель] сам знает, что это не так...». Отстаивая мысль о том, что большинство немцев, в которое входит и его клиент, ничего не знали о творившихся зверствах, Рольф ссылается на письма, показания свидетелей, ходатайства, на все те документы, имеющиеся в его распоряжении, где говорится о том, что подзащитный, напротив, делал все возможное для того, чтобы как можно меньше людей попало в колеса судебной машины Третьего

рейха, ставшей к тому времени машиной убийств. Этот ход особенно интересен по следующим соображениям. Во-первых, очевидно противопоставление, по силе воздействия на рассудок и эмоции, документального фильма и регулярных доказательств, использовавшихся в суде до этого момента: бумаг, свидетельских показаний. Во-вторых, обращает на себя внимание растерянность защитника, вызванная не только психологической травмой, которую ему, как и почти всем остальным, кто был в тот день в зале суда (включая и председательствующего судью, которого Крамер дает буквально постаревшим в результате пятиминутного кинопоказа), нанес просмотр хроники, но и тем, что он не обнаруживает в своем арсенале привычных средств, позволивших бы ему начать работать с предъявленным материалом. В самом деле, он не находит в себе сил ни на то, чтобы выразить сомнение в подлинности показанного, ни на то, чтобы развить свою скромную попытку сомневаться хотя бы в уместности демонстрации таких кадров – как доказательства на этом процессе, процессе над нацистскими судьями. Эта растерянность, перерастающая в излишне эмоциональный протест против «такой тактики [стороны обвинения]», контрастирует с уверенностью в своих правоте и победе полковника Лоусона, который знает, что теперь Рольф разбит и ему нечего противопоставить такому доводу, как эта хроника (см. рис. 2а и 2б).

Складывается довольно парадоксальная ситуация: с одной стороны, большинство присутствующих, не исключая и председателей трибунала, готово согласиться с тем, что хроника имеет отношение к делу и является доказательством виновности обвиняемых; с другой стороны, каким именно образом такое доказательство работает, и как, следовательно, его можно оспорить, защитник (действовавший до сих пор довольно удачно и получивший, кроме того, позже, в неформальной беседе, поощрение от председательствовавшего судьи как тот, кто чрезвычайно хорошо владеет логикой) не знает. Эпизод оканчивается тем, что Рольф просто делает вид, что забывает о показанном, и сосредотачивается на том, что он умеет делать – вести опрос свидетелей, сопоставлять факты, выводить из таких сопоставлений заключения.

Вся эта сцена служит иллюстрацией того, что проблема статуса мультимодальных аргументов и, в особенности, – их невербальных элементов, встречающихся в контекстах убеждающего взаимодействия агентов или совместного поиска ответа на вопрос, практически может быть решена в пользу предположения о том, что они действительно служат способом убедиться в истинности некоторой мысли, являющейся в своем контексте главной, т.е. – в пользу предположения о том, что они сами являются доводами и составными частями аргументов – и гораздо в большей степени, чем просто показаниями, обосновывающими доводы. Она же демонстрирует ошибочность излишне оптимистического настроения тех, кто не склонен считать задачу по разработке специальных средств анализа, применимых в области невербальных составляющих мультимодальных аргументов, одной из актуальных задач современной теории аргументации, равно как и тех, кто всегда полагается исключительно на привычные средства. У Рольфа, тяжеловеса от юриспруденции (а значит – знатока в области аргументации и большого практика) не нашлось инструментов, которые были бы пригодны для опровержения мультимодального аргумента стороны обвинения.

Наконец, этот эпизод позволяет по-новому взглянуть и на проблему перевода невербальных элементов аргументации. Вероятно, что в таких случаях, как этот, всего уместнее вести речь не столько о дихотомии «возможен/

невозможен», ни одно из следствий которой не является приемлемым в смысле открывающихся перспектив изучения мультиmodalной аргументации, сколько о самих пределах такой возможности и об уместности соответствующих усилий. Безусловно, рассказ о преступлениях против жизни, показанных в кинохронике полковника Лоусона, если бы этот рассказ действительно существовал, зачитанный на суде и обладающий такими достоинствами, как ясность, яркость и отстраненность повествования (т.е. теми же чертами, которые обнаруживает и документальная съемка), мог бы дать не меньший эффект, однако целесообразность создания такого текста и его демонстрации (чтения, возможно, весьма длительного) все же сомнительны. Как я рассчитываю показать далее, проблема перевода имеет и еще одно измерение, указать на которое – означает фактически решить вопрос существования мультиmodalной аргументации положительно.

4. Как доказать, что ты опрокинул бутылку с водой нарочно

Теперь я поставлю вопрос о границах перевода невербальных составляющих мультиmodalных аргументов в вербальные по-другому и буду интересоваться не столько принципиальными или техническими возможностями такого перевода, столько тем, что именно переводится, а что, напротив, остается как бы за скобками. Предположим, что вербальная и различные виды невербальной аргументации аналогичны различным естественным национальным языкам. Существующее на разных языках не существует само по себе, вне языка, однако оно довольно успешно переходит, переводится из одной области в другую. Случается так, что при подобном переходе исчезает весь смысл переводимого, и дело тут несколько не заключается в дарованиях соответствующего специалиста. Вот пример диалога, заимствованного из «Захудалого рода» Лескова. Он состоит всего из двух реплик, вторая из которых принадлежит гувернеру-французу, месье Жиго и в оригинале дана на его национальном языке – «*Jamais de ma vie!*»; ее перевод на русский уничтожает всю соль диалога, который ведут француз и его покровительница, ведь в этом случае месье Жиго потерял бы свою характерную особенность – услужливость в соединении с бестолковостью. Сравните: «Не говорите со мной по-французски! – Никогда в жизни!» и «Не говорите со мной по-французски! – *Jamais de ma vie!*».

Я предполагаю, что при переводе невербальной составляющей мультиmodalного аргумента в вербальную может происходить нечто подобное, а именно – утрата переведенным аргументом своей силы, аналогичная утрате соли каламбуром, или ее значительное умаление, при кажущейся пропозициональной эквивалентности переводимого и перевода. Подтверждением этому может служить не только очевидная невозможность замены, например, фотографии ее описанием тогда, когда должен быть предъявлен, скажем, в соответствии с некоторой процессуальной нормой, именно снимок... В следующем случае существенным моментом, без которого убедительная сила мультиmodalного аргумента слабеет значительно или же вовсе исчезает, а лучше сказать – меняет свою природу, является невозможность устного воспроизведения того, что только что прозвучало в аудиозаписи, при этом – как я надеюсь показать, дело тут вовсе не в вопросах атрибуции, аутентичности и прочем, а исключительно в самом факте существования

некоторого довода именно как записанного и затем воспроизведенного, а не как произнесенного со сцены.

В своем комедийном шоу 2013 г. «what.» американский стендап-комик Бо Бёрнам, отпив из пластиковой бутылки, ставит ее на табурет, но та, не устояв, падает на пол (см. рис. 3). «Прошу прощения, – Бёрнам поднимает бутылку и водружает ее на место, – Хорошенькое начало!..» (это происходит на 8 минуте шоу, сразу после продолжительного музыкального вступления).

Рис. 3. Момент, когда бутылка падает на пол, – случайность, как кажется зрителям; это часть шоу и сделано специально, как докажет Бёрнем пол-минуты спустя, используя для этого мультимодальный аргумент

Непосредственно после этого Бёрнем принимается танцевать под вдруг зазвучавшую песню со словами: «He meant to knock the water over, but you all thought it was an accident» («он специально опрокинул бутылку с водой, в то время как вы все подумали, что у него случайно так вышло...»). Теперь, если предположить, что в области мультимодальной аргументации возможен перевод, сохраняющий функциональное значение оригинала так, что сила мультимодального аргумента не отличается от силы такого аргумента, где множественная модальность усечена, т.е. от такого аргумента, где и заключение, и посылки даны обыкновенными, привычными средствами, соответствующими контексту (даны посредством произнесенных со сцены слов, как в примере с фрагментом из «what.»), то и в случае с этим элементом шоу Бёрнема подобное должно соблюдаться. Для того, чтобы проверить, так это или нет, требуется восстановить все аргументы, мультимодальные и нет, присутствующие в этом коротком фрагменте.

Слова «прошу прощения» и «хорошенькое начало», сопровождающие падение бутылки с табурета, вместе могут указывать на следующий аргумент:

«Бёрнем уронил бутылку случайно, потому что он, во-первых, извинился перед публикой за свою нерасторопность, подобно тому, как извиняются тогда, когда случайно толкнут кого-нибудь, и, во-вторых, потому что он отпустил в свой собственный адрес (но в то же время и на публику) саркастическое замечание, как бы пожурив себя за неловкость» (аргумент 1).

Можно сказать, что такая трактовка произнесенных Бёрнемом слов вполне соответствует принципам и правилам использования языка, сформулированным в прагма-диалектике. Произнесенные им в данном контексте

слова понятны, достаточны, осмыслены и релевантны; отсюда – соответствующий им аргумент 1.

Песня со словами «он специально опрокинул бутылку с водой, в то время как вы все подумали, что у него случайно так вышло...» может быть соотнесена со следующим сочетанием довода и основной мысли:

«Бёрнем уронил бутылку специально (основная мысль), т.к. в аудиозаписи буквально сказано, что “он специально опрокинул бутылку с водой...” (довод)» (аргумент 2).

Аргумент 2 очевидным образом опровергает аргумент 1, т.к. их заключения не могут быть одновременно истинными. Посмотрим теперь на то, что произойдет с аргументом 2 в том случае, если попытаться избавиться от его «мультимодальности», т.е. в том случае, если исключить из его посылок и заключения все то, что не говорит о том, что некоторый объект существует или не существует, все то, что не касается свойств некоторого объекта и его отношений с другими объектами и свойств этих отношений, и сохранить лишь пропозициональное содержание посылки и заключения. В остатке нам придется иметь дело со следующим:

«Бёрнем уронил бутылку с водой специально, т.к. он специально опрокинул бутылку с водой» (аргумент 2.1).

Излишне указывать на то, что переводимое (аргумент 2) и результат перевода (аргумент 2.1) не могут быть названы эквивалентными. Если аргументы 1 и 2 были связаны отношением опровержения (их заключения несовместимы по истинности), то аргументы 1 и 2.1, напротив, в подобном отношении не состоят. Кроме того, очевидно, что аргумент 2.1 проигрывает по силе убедительности аргументу 1, и, в общем, – не только ему одному, ввиду его тавтологического характера. Аргумент 2.1 вообще никому да не годится!

Теперь я спрашиваю: каким образом, в каком статусе аргумент 2.1 должен существовать, каким бы плохим он ни был, раз уж он лишен своего мультимодального измерения и выжат до состояния строки из учебника логики? Вероятнее всего, что в том же самом статусе, в котором существует аргумент 1, – как *слова, произнесенные со сцены*. Это наблюдение хоть и позволяет снять тавтологию, и от результата формального упражнения, экстракции пропозиционального содержания перейти к убеждающим конструкциям, употребляемым реально, но все же не дает аргумент той же силы, силы, равной силе аргумента 1. Произнеси Бёрнем со сцены слова:

«Я специально опрокинул бутылку» (аргумент 2.2)

после того, как она упала и после того, как это падение было сопровождено репликами, составившими аргумент 1, он, разумеется, не добился бы успеха (в области аргументации, не комедии), равного успеху, последовавшему за воспроизведением мультимодального аргумента, аргумента 2, когда *всем* становится ясно, что он действительно нарочно сделал то, что сделал.

Этот эксперимент с аргументами 1 и 2 показывает следующее. Во-первых, он служит подтверждением мысли о том, что понятие аргумента не сводится к пропозициональному содержанию высказываний; оно образовано композицией пропозиционального содержания и некоторой модальности – т.е., буквально, того способа, каким это содержание полагается в диалоге, реально. Игнорирование модальной составляющей любого аргумента означает

уничтожение самой возможности говорить об аргументации и перевод рассуждения в область преимущественно классической формальной логики, раз основной интерес к подобным структурам вызван исключительно их формой и соотношением форм между собой, а не тем, каким образом эти формы являются в дискуссии, и тем, какой эффект оказывает то или другое их явление на занятых в дискуссии лиц. Естественно, что убедительная сила этих выжатых, сухих псевдо-аргументов не может быть сопоставлена с убедительной силой собственно аргументов как таковых, взятых в своем сущностном, а значит, модальном, измерении. Более того, пример с «what.» показал, что убеждающая сила аргумента может уйти не только при довольно искусственном, полном выключении его модальной составляющей, но и тогда, когда происходит перемена ее типа. Следовательно, если до сих пор и было понятно, что модальность аргумента является не столько украшением, роль которого в аргументации в основном риторическая, сколько сущностным элементом, вносящим вклад в процесс убеждения, то теперь ясно, что эту роль выполняет не столько модальность вообще, сколько ее конкретный тип, который, собственно, задает убедительную силу аргумента в не меньшей степени, чем это делают и пропозициональное содержание, и присутствие модальности как таковой.

Во-вторых, переход от аргумента 1 к аргументам 2.1 и 2.2 и их сравнение показали, что мультимодальным аргументом, вероятно, нужно считать только такой аргумент, где желаемая аргументативная цель (убеждение, побуждение к действию и проч.) достигается несколькими способами, которые отличаются друг от друга, но используются при этом исключительно сообща, вместе. Последнее существенно, потому как если бы каждый из этих способов применялся по отдельности и с успехом, равным совместному их применению, то вместо мультимодального аргумента пришлось бы иметь дело с несколькими мономодальными или простыми аргументами, объединенными в дизъюнктивную структуру. Отличительной особенностью мультимодального аргумента является разнообразие способов достижения аргументативной цели при их связанном характере, когда они поддерживают друг друга, так что без одного из них сила такого аргумента ослабевает существенно. В самом деле, аргумент 2 можно представить в следующем виде:

«Бёрнем уронил бутылку специально, т.к.: он сам сказал, что сделал это специально (посылка 1) и его слова о том, что он сделал это специально, прозвучали в аудиозаписи (посылка 2)» (аргумент 2.3),

где посылки 1 и 2 образуют структуру конъюнктивного типа – такую, когда для того, чтобы считать главную мысль в достаточной степени обоснованной, нужно принимать во внимание сразу обе посылки. Ясно, что в таком случае транзит в сторону аргумента, лишённого мультимодального измерения (каким является аргумент 2.1), означает исключение посылки 2, которая и указывает на модальность, придающую силу аргументу 2.3, и, как следствие, означает потерю этой силы всем аргументом, получившимся в результате такого транзита.

5. Заключительные замечания

Мультиmodalные аргументы должны изучаться в современной теории аргументации. Они распространены на практике, действенны (эффективны) и далеко не всегда полностью выразимы в естественном языке, что не отменяет самой возможности их изучения, как не отменяет возможности изучения, например, насекомых тот факт, что такое изучение часто проводится лишь по описаниям, фотографиям и рисункам (так аргумент 2.3 и сопровождающий его текст как раз и являются примером описания мультиmodalного аргумента, фиксацией принципа его работы и его объяснением).

Исследованные случаи применения мультиmodalных аргументов показывают, что степень автоматического характера их восприятия и легкости первичного с ними обращения, включающего распознавание посылок и заключения, равно как и возможность оценки приемлемости «для себя» данного такими средствами аргумента, разнятся от случая к случаю. Только в «Витгенштейне» и в «what.» не возникло никакой сложности с восприятием невербальной составляющей мультиmodalного аргумента: в обоих случаях она расценивается как довод с ясным содержанием, причем если в случае с марсианином и философом имела место все же выдумка, то в примере с комедийным шоу пришлось столкнуться едва ли не с «полевым» материалом. Во втором случае реакция аудитории, которая поняла, что ее обманули, когда сделали вид, что бутылка свалилась с табурета ввиду нерасторопности актера, не оставляет места для сомнения в том, что мультиmodalный довод сработал как надо. То же нельзя сказать о хронике освобождения Дахау. Хотя большинством присутствующих, равно как и зрителями ленты Крамера, нами, улавливается связь между преступлениями против жизни и принципами функционирования судебной власти нацистской Германии, эта связь не так однозначна, особенно в свете вопроса об ответственности за происходившее в лагерях смерти каждого судьи, каждого служащего соответствующих ведомств. Смятение защитника, искренне стремящегося установить степень ответственности каждого немца за совершенные преступления, показывает неоднозначность в определении функции демонстрировавшейся хроники, далеко ее не автоматический характер.

Возможность перевода без потери убеждающей силы снова показал «Витгенштейн», но никак не «what.», и только со значительными оговорками о целесообразности и уместности – «Нюрнбергский процесс». Сравнение описанных случаев мультиmodalной аргументации именно в этом «переводческом» аспекте, центральном для всего поля исследований, позволяет предположить, что мультиmodalным аргументом следует называть не просто тот аргумент, элементы которого даны разными способами (например, с помощью записанного текста и произнесенных слов или с помощью произнесенных слов и сопровождающего их жеста и т.д.), а тот, где дифференциация способов выражения частей аргумента существенным образом оказывает влияние на его убедительную силу и, следовательно, на то, как он должен оцениваться. Следует считать, что перед нами действительно мультиmodalный аргумент лишь в том случае, если возможное «сглаживание» его невербальной составляющей, приведение ее к произнесенным словам или к тексту (в зависимости от того, каким из двух средств даны остальные части убеждающей конструкции), осуществляемое в контексте существования такого аргумента, меняет или ослабляет его убедительную

силу существенным образом, настолько, что результат этого изменения по существу является не первоначальным аргументом в новых одеждах, а новым, совершенно другим аргументом. Следует отметить и то, что таким «сглаживанием» не следует считать попытку описания мультимодального аргумента, которая, действительно, всякий раз может быть предпринята тогда, когда на подобный аргумент нужно лишь указать и когда не предполагается его реальное употребление. Примером такого описания может служить знаменитая интерпретация *cogito ergo sum* как перформативного аргумента, предложенная Я. Хинтиккой¹⁰, т.е. как аргумента, образованного сочетанием посылок, одна из которых предполагает действие агента, его попытку помыслить некоторое содержание и факт признания им так называемого экзистенциального противоречия – невозможности это сделать.

Наконец, вопрос о возможности использования инструментов анализа, близких к общеизвестным (например, принципов коммуникации Г.П. Грайса, хорошо зарекомендовавших себя в прагма-диалектике или критических вопросов диалогового подхода, законов классической логики, наконец) не имеет значения только в применении к «Витгенштейну», когда для реконструкции и оценки мультимодального аргумента одной теории классической логики, силлогистики, оказывается достаточно. Напротив, так как фильмы полковника Лоусона в большей степени касаются чувств, не рассудка, то в подобных случаях, в самом деле, при поиске методов анализа и оценки аргументов все же не следует переходить некую, пусть весьма условную, границу. (Похоже, что именно этим путем, анализируя мультимодальный визуальный аргумент, решает пойти П. Ван дер Ховен, когда он предлагает видеть в полутораминутном рекламном ролике румынского банка аргумент-текст, содержание которого воспроизводится в статье со ссылкой на его коллегу румынского происхождения¹¹. Если извлечь или свести содержание мультимодального аргумента к вербальной составляющей, а значит, обратиться к соответствующему культурному фону, то, действительно, в таком случае исследователь, в поисках возможных методов работы с подобными аргументами рискует покинуть *Vaterland* собственно теории аргументации и вступить в область социальной семиотики или визуальной риторики и культур-штудий.)

Для анализа и оценки мультимодального аргумента из «what.», самого показательного в рассмотренной тройке, необходимо прежде всего усовершенствование существующих в теории аргументации методов. Например, перспективным кажется диалоговый подход, выделяющий в структуре аргумента место для посылки, которая бы указывала на тот способ, каким он предъявляется участникам дискуссии или аудитории, и предлагающий новые списки критических вопросов, в состав которых были бы включены те, что оценивают именно модальный структурный элемент. Значительным методологическим потенциалом обладает и прагма-диалектика, где, наряду с пропозициональным содержанием аргумента, анализу и оценке подлежит и его сила, способ или модальность, какими аргумент обладает и какие делают его собственно аргументом. Отрадно думать, что здесь еще многое предстоит сделать, и что эта работа одинаково интересна и в теоретическом аспекте, и в своем практическом приложении.

¹⁰ Hintikka J. Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? // The Philosophical Review. 1962. Vol. 71. No. 1. P. 3–32.

¹¹ Hoven P., van den. The Narrator and the Interpreter in Visual and Verbal Argumentation. P. 262.

Список литературы

- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Наука, 1991. 413 с.
- Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- Куссе Х. Переплетение агрессии и аргументации: русско-украинский конфликт / Пер. с нем. М. Новосёловой // Неприкосновенный запас. 2020. № 132 (4). С. 77–97.
- Медведева А.Р. Мультимодальная аргументация в жанре «обзор плохого кино» // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3 (52). С. 105–111.
- Bobrova A. Pictures and Reasoning: visual Arguments and Objections // Reason to Dissent: Proceedings of the 3rd European Conference on Argumentation. Vol. II / Ed. by C.D. Novaes, H. Jansen, J.A. van Laar, B. Verheij. L.: College Publications, 2020. P. 65–77.
- Dove I.J. On Images as Evidence and Arguments // Topical Themes in Argumentation Theory / Ed. by F.H. van Eemeren, B. Garssen. Amsterdam: Springer, 2012. P. 223–238.
- Groarke L. Going Multimodal: What is a Mode of Arguing and Why Does it Matter? // Argumentation. 2015. No. 29. P. 133–155.
- Hintikka J. Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? // The Philosophical Review. 1962. Vol. 71. No. 1. P. 3–32.
- Hoven P., van den. The Narrator and the Interpreter in Visual and Verbal Argumentation // Topical Themes in Argumentation Theory / Ed. by F.H. van Eemeren, B. Garssen. Amsterdam: Springer, 2012. P. 257–272.
- Kjeldsen J.E. The Study of Visual and Multimodal Argumentation // Argumentation. 2015. No. 29. P. 115–132.

Multi-modal argumentation in the era of words privilege***Gleb V. Karpov**

St. Petersburg State University. 5 Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: g.karpov@spbu.ru

The article investigates the problem of the existence of the so-called multi-modal arguments – persuasive structures, where, along with written or spoken words, there are non-verbal elements that also perform persuasive functions. Such arguments are considered neither to be fully translatable into words, nor not to be total aliens in the argumentation studies. Along with the problem of translating the non-verbal component of a multi-modal argument, the question of their functional status in the structure of the argument is also discussed. It is proposed to consider such elements as premises, the connection of which with the conclusion is explained through the description of the mode (whether it is an action, an image or a recorded audio message) in which their propositional content is actualized. It is argued that the mode of the actualization of propositional content of the argument is no less significant than the content itself. On the basis of this claim it is proposed to consider “classical” textual arguments as a form of multi-modal arguments.

Keywords: argument structure, visual argumentation, argument evaluation, pragma-dialectics, dialogue approach

For citation: Karpov, G.V. “Mul’timodal’naya argumentatsiya v epokhu Words privilege” [Multi-modal argumentation in the era of Words privilege], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 4, pp. 180–196. (In Russian)

* The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00158 «Formal Philosophy of Argumentation and comprehensive methodology of search and selection of dispute resolutions».

References

- Arnauld, A. & Nicole, P. *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic, or the Art of Thinking], trans. by V.P. Gajdamak. Moscow: Nauka Publ., 1991. 413 pp. (In Russian)
- Bobrova, A. "Pictures and Reasoning: visual Arguments and Objections", *Reason to Dissent: Proceedings of the 3rd European Conference on Argumentation*, Vol. II, ed. by C.D. Novaes, H. Jansen, J.A. van Laar, B. Verheij. London: College Publications, 2020, pp. 65–77.
- Dove, I.J. "On Images as Evidence and Arguments", *Topical Themes in Argumentation Theory*, ed. by F.H. van Eemeren, B. Garssen. Amsterdam: Springer, 2012, pp. 223–238.
- Gasparov, M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Citings]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 416 pp. (In Russian)
- Groarke, L. "Going Multimodal: What is a Mode of Arguing and Why Does it Matter?", *Argumentation*, 2015, No. 29, pp. 133–155.
- Hintikka, J. "Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance?", *The Philosophical Review*, 1962, Vol. 71, No. 1, pp. 3–32.
- Hoven, P. van den. "The Narrator and the Interpreter in Visual and Verbal Argumentation", *Topical Themes in Argumentation Theory*, ed. by F.H. van Eemeren, B. Garssen. Amsterdam: Springer, 2012, pp. 257–272.
- Kjeldsen, J.E. "The Study of Visual and Multimodal Argumentation", *Argumentation*, 2015, No. 29, pp. 115–132.
- Kusse, K. "Perepletenie agressii i argumentatsii: rusko-ukrainskii konflikt" [Intertwining of Aggression and Argumentation: the Russian-Ukrainian Conflict], trans. by M. Novoselova, *Neprikosnovennyi zapas*, 2020, No. 132 (4), pp. 77–97. (In Russian)
- Medvedev, A.R. "Mul'timodal'naya argumentatsiya v zhanre 'obzor plokhogo kino'" [Multimodal Argumentation in the Genre of 'Bad Movie Review'], *Chelyabinskii gumanitarii*, 2020, No. 3 (52), pp. 105–111. (In Russian)